

Под непрерывным обстрелом

...Самое интересное в этот день ожидало меня в знаменитой Ленинградской Публичной библиотеке. Эта библиотека, расположенная на углу Невского и Садовой — на одном из «опасных перекрестков» (то есть опасных при артобстреле), — крупнейшее книгохранилище в мире или, во всяком случае, в Европе, если не считать фонды Британского музея. Здесь хранится свыше девяти миллионов книг. Правда, говорят, в последнее время пальма первенства, так сказать, перешла к Ленинской библиотеке в Москве, но в Ленинграде, кажется, не разделяют это мнение...

Когда машина подъехала к входу, на небе сияло солнце, и, памятуя, что угол Садовой и Невского опасен во время артобстрелов, а обстрел не прекращался с самого утра, мои сопровождающие предпочли поставить машину по другую сторону библиотеки — у сквера перед Александринским театром. Выйдя из машины, мы остановились, чтобы полюбоваться этим прекрасным зданием с его благородными желтыми стенами и белыми колоннами, неповторимым ансамблем улицы Росси, начинающейся за театром, и сквером перед ним, где возвышается конусообразный памятник Екатерине. Царица застыла в окружении своих вельмож — Румянцева, Потемкина и других, примостившихся у ее ног, вернее — у подола, также конусообразной, юбки. Непостижимо, как этому красивейшему уголку старого Петербурга удалось уцелеть — ни единой царапины. Здесь было совершенно безлюдно — обстрел все усиливался и усиливался, но сквер завораживал... Казалось, нет на земле ничего красивее.

Но вот над нами пролетел снаряд, за ним другой, разорвавшись неподалеку, по другую сторону Невского, за огромным гранитным фасадом с защищенными витринами. В былые времена тут помещался самый большой в Европе храм чревоугодия — Елисеевский магазин. Два красных облака — очевидно, кирпичной пыли — поднялись в воздух. Трамваи на Невском остановились, пассажиры бросились искать укрытия в домах, несколько

прохожих ринулись в парадные и подворотни. Мы оставались у машины, чувствуя себя не слишком уютно и уповая на «везучесть» Екатерининского сквера. Мимо нас к Невскому промчалась «скорая»... Обстрел не прекращался, но снаряды падали уже в другой части города, и мы рискнули пробраться до «невезучей» половины здания Публичной библиотеки, выходящей на Садовую — на тот перекресток, который, по убеждению ленинградцев, фашисты специально избрали своей мишенью, чтобы всаживать снаряды в толпу на трамвайной остановке.

Но сейчас нигде не было ни души. Невский, если не считать проехавшего военного «пикапа», да с полдюжины пешеходов на противоположной — менее опасной — стороне и девушки-регулирующей, ни на минуту не покидавшей своего поста, — был совершенно пуст. Потом потихоньку двинулся трамвай, в нем — два пассажира. Что и говорить, ленинградцы научились «соблюдать осторожность» во время обстрелов!

Поднявшись по узкой лестнице, мы очутились в кабинете директора Публичной библиотеки Егоренковой 12 — молодой, очень сурового вида женщины. Я заметил — у нее также медаль «За оборону Ленинграда». На меня эта женщина произвела впечатление подвижницы, отказавшейся от всего личного: вся ее жизнь была подчинена служению обществу. У нее была единственная цель — спасти Ленинградскую Публичную библиотеку, задача, достаточно огромная для любого обычного человека. Она защищала девять миллионов книг от восьмидесяти миллионов фашистских варваров — от чудовищ, которые впервые за много веков снова жгли в Европе костры из книг. Ленинградцы беззаветно преданы своему городу, и думаю: только город, любовь к которому переполняет сердца его жителей, мог выстоять, как выстоял Ленинград. И в этой хрупкой, усталой от работы молодой женщине, возглавлявшей Ленинградскую Публичную библиотеку, горел тот же огонь — огонь любви и ненависти. Внешне она ничем не выдавала своих чувств. Даже о снаряде, убившем на Садовой, прямо под окнами библиотеки, десятки людей, упомянула чуть ли не вскользь, придерживаясь сугубо

«делового» тона, но за ним угадывалось, что она готова обречь гитлеровцев на самые страшные муки за те страдания и разрушения, которые они причинили Ленинграду, Публичной библиотеке...

— Прежде всего хочу подчеркнуть главное, — начала она. — Наша библиотека не закрывалась ни на один день. Ни в декабре сорок первого, ни в январе-феврале сорок второго. К моменту, когда город оказался в блокаде, мы успели вывезти только незначительную часть наиболее ценных коллекций: важнейшие инкунабулы и рукописи, уникальные книги XVIII—XIX веков — русские и иностранные, собрание газет периода гражданской войны — всего 360 000 единиц хранения. А у нас их девять миллионов. Наши сотрудники наполнили чердаки песком: перенесли на себе 2200 кубометров. Необходимо было, по возможности, рассредоточить фонды, спустить в подвалы самое ценное. Окна были заложены кирпичом и прикрыты сверху мешками с песком. Тщательнейшим образом была организована противопожарная оборона: запаслись баками с водой, насосами, огнетушителями, навалили груды песка. Приходилось учитывать трудности, которые могли бы возникнуть при прекращении подачи воды. В местную группу МПВО вошло 102 человека. Правда, нам очень повезло: налеты нас не коснулись. Только несколько «зажигалок» упало на крышу в сорок первом году. Позднее на крыше разорвалось три снаряда, но книги не пострадали и жертв среди сотрудников не было. Куда более серьезной проблемой оказались отсутствие топлива и последствия низкой температуры и сырости для книг. Но об этом я еще скажу.

До войны в главном здании работали семь читальных залов, которые обслуживали до 3000 читателей в день. Ежедневно выдавалось примерно 9000 книг; кроме того, ежедневно мы отвечали на 400 и более письменных запросов. С двадцать второго июня все изменилось. В августе мы закрыли главный зал и открыли другой — поменьше и в более безопасном месте — на первом этаже, где могли работать 150 человек. Читателям во время тревоги предоставлялась возможность переходить в бомбоубежище. Настоящие

трудности начались с приходом зимы. Пришлось закрыть все читальные залы и оборудовать два маленьких — один в газетном зале, другой — в буфете для сотрудников. И в том, и в другом поставили железные печурки. Но уже в январе сорок второго года первый зал пришлось закрыть, и бывший буфет оставался единственным читальным залом на всю эту огромную библиотеку. Бывали дни в январе; когда приходило всего пять читателей. Но запросы продолжали поступать — от солдат, от различных организаций, в основном спрашивали о питании, об изготовлении спичек и тому подобном.

В марте удалось открыть еще один зал — попросторнее. Ленсовет помог нам сложить хорошую печку и снабдил дровами. Сегодня у нас до шестидесяти читателей в день, причем ежедневно записывается от десяти до двенадцати новых. Скоро заработают наши вузы — Политехнический, Педагогический, частично Университет, и тогда число читателей, конечно, сразу сильно увеличится. Сейчас к нам в основном ходят инженеры, военные врачи, научные работники — то есть специалисты, занимающиеся насущными практическими проблемами. Студентов среди читателей сейчас нет.

Она излагала только факты, никак не выражая своего отношения к ним не высказывая ни одобрения, ни осуждения, ни надежд, ни тревог. И позднее, когда мы осматривали библиотеку, сообщала только факты — без единого комментария к ним.

Знаменитая библиотека с протянувшимися на мили книжными полками, на первый взгляд, вела нормальное существование. Правда, то тут, то там попадались пустые шкафы — например, целый ряд шкафов с табличкой *Bibliothèque de Voltaire*. Мы зашли в журнальный зал, который был открыт. На столике лежали новые поступления — весьма пестрая коллекция: последние номера «Британского союзника», несколько номеров журнала «Ланцет», английский «Медикал джернел» (шестимесячной давности), американский «Питание» и другие научные ежемесячники и еженедельники.

— Журналы поступают нерегулярно, — заметила Егоренкова. — Сейчас главная наша задача — сохранить в должном состоянии книги в течение еще одной зимы при скудном отоплении, а иногда и вовсе без отопления. — И, указав на окна без стекол, добавила: — У нас четыре раза вылетали все стекла. Пока мы не вставляем новые и не набиваем фанеру: воздух хорошо сушит книги. Начнутся дожди — забьем окна.

На главной лестнице по правой стороне экспонировались различные схемы и карты, включая несколько, отмечавших боевые действия союзников, на другой стене — были выставлены фотографии и документы в связи с 85-летием заведующего отделом рукописей Бычкова.

— Он нездоров, поэтому его сегодня на работе нет. Бычков с самого начала отказался эвакуироваться, — сообщила Егоренкова своим бесстрастным тоном.

Мы миновали главный читальный зал — почти такой же большой, как зал Британского музея. В нем царил образцовый порядок, только не было ни души. В соседнем, меньшем, помещении занималось десять-пятнадцать человек. Затем мы проследовали длинным коридором — казалось, ему не будет конца, — уставленным карточным каталогом.

— В начале блокады мы спустили каталог в подвал, — пояснила Егоренкова, — но там он отсырел, и пришлось поднять его наверх — просушивать. Серьезных повреждений не произошло: все карточки можно прочесть, и они уже в хорошем состоянии. Нам очень важно было сохранить каждую карточку: это наш единственный полный каталог. Некоторые еще сыроваты, — и она указала на подоконник, где сушились дюжина-другая карточек, — но это последние...

В одной из просторных комнат пятнадцать пожилых женщин заполняли каталожные карточки, переносили какие-то записи, рассортировывали груды печатных и прочих материалов: плакаты, рукописи, газетные вырезки, «Окна ТАСС», продовольственные карточки и тому подобное.

— Это наш новый специальный отдел, задача которого — воссоздать историю и быт Ленинграда и Ленинградского фронта в военное время. Вот, познакомьтесь: Вера Александровна Каратыгина, специалист по истории Ленинграда — Петрограда — Петербурга.

Трудно было бы найти двух более несхожих между собой женщин. Каратыгина — красивая, хотя уже немолодая, седая дама с слегка подкрашенными губами — стала громко, энергично объяснять, как увлеченная своим делом учительница:

— Мы собираем, систематизируем, каталогизируем все, что может представлять хоть какую-то ценность для истории обороны Ленинграда: брошюры, пригласительные билеты, членские билеты всевозможных обществ, театральные билеты, билеты на концерты, программы, афиши. Вот, например, афиша о первом исполнении Седьмой симфонии Шостаковича в Ленинграде. Словом, любые документы, имеющие отношение к производству, науке, литературе, продуктовые карточки разных периодов блокады, перечень ленинградских домов и списки, по возможности полные, проживающих там людей и так далее. Инструкции по противовоздушной обороне — печатные и от руки, фотографии, фронтовые газеты и различные публикации, даже эпизодические, — все это мы собираем и классифицируем. Вот, например, папки газетных вырезок по вопросам, связанным с обороной Ленинграда. А сейчас мы готовим материалы для альбома о прорыве ленинградской блокады — в него войдут письма солдат, участвовавших в боевых действиях, и множество других печатных и рукописных материалов, а также фотоматериалы.

Пожилые дамы — большинство из них выглядели старыми дворянками; выдавшими лучшие времена, — заваленные газетными вырезками, афишами и программками, были так поглощены работой, что наше присутствие, по-видимому, заинтересовало их так же мало, как не прекращающийся на улице артобстрел. Когда мы вышли, я сказал

Егоренковой, что этим старым дамам, наверно, доставляет большое, удовольствие участвовать в таком ответственном деле.

— Почему «старые дамы»? — спросила она не без резкости. — Они не «старые дамы», а высококвалифицированные библиотечные работники, много лет состоящие в штате библиотеки...

Верт А. Ленинград : сокр. пер. с англ. Л. Азаровой и М. Шерешевской // Звезда. 1984. № 1. Под непрерывным обстрелом. С. 106–109.